Живет в Сиэтле (США). Визитная карточка участника.

* * *

Пожатие руки, знакомая печаль,
Здесь воздух табаком пропитан безнадёжно.
И за окном опять не голубая даль,
А звон колоколов в распятии безбожном.
Руки не подавай. Пусть пальцами сцепив,
Своих ногтей следы увидеть не удастся,
Спускается, дрожа, знакомый тот мотив,
К которому тебе вовеки не добраться.
Слезами истекай. И губы искривив,
Запомнишь облик тот, который с детства тает,
Не в памяти больной, запуганной на миг,
А в шёпоте молитв, которых ты не знаешь.

Венеция

Как на веранде Пегги Гуггенхайм,

Отлитый в бронзу символ эротизма,
Утопленным в каналах оптимизмом
Гондóлы трутся у столетних свай.

Свинцовыми белилами полны
От сырости потрескаются стены.
Сомнения сюда спешащей пены
Накроются ударами волны.

Rialto провисает в пустоте,
Два берега соединить пытаясь,
Но как всегда внезапно исчезает
В холодной и безжалостной воде.

И мраморные бюсты смотрят хмуро,
Их пропорциональность не любя́,
Брусчаткою покрытая земля
Скрывается в кварталах Dorsoduro.

И клёкот расжиревших голубей,
Остатками risotto насладившись,
Смешается с рапсодией блудившей
Мелодии под сводами церквей.

И масками просвет витрин закрыт,
В пустых глазницах искушенье тает.
И в приливной волне грифон взлетает,
И в темноте над городом кружит.

Куликовская битва

Пускай другой кулик своё болото хвалит,
Ему крылом не бить на поле у реки,
Где в утренний туман поруганной державы
Выходят на построй безмолвные полки.

Из многих городов: из Суздаля, из Твери,
Смоленска, Коломны́, и Новогорода́,-
Тянулся люд сюда, бежали с поля звери,
И вспу́чилась в Дону́ холодная вода.

Луна ещё с небес холодных не исчезла,
Но солнца яркий луч пробился сквозь туман,
И вызывая боль в конечностях и чреслах,
Вдруг застучал вдали татарский барабан.

Он нёс с собой упрёк посмевшим в поле выйти,
Предсказывал полёт отравленной стрелы,
Тяжёлый бег коней, копьё, топор, и ки́стень,
Распоротый живот, и дикий вой орды.

Гремел среди степи, и присоединился
К нему визгливый звук дозорного свистка,
И вот уже вдали весь горизонт клубился
И пылью исходил, предчувствием томя́.

Вот бронзовый тумéн, он в острие атаки,
Он поле заполнял, качались бунчуки
На копьях. Закусил губу в предверьи драки
Его ведущий в бой весь в шрамах командир.

И зубы оскали́в, как будто на охоте,
Охоте на людей, которым грош цена,
Отдал приказ своей ударной старой роте
Безжалостной в бою и пьяной без вина.

Гигантский Челубей в седле сидел, скривившись,
Кумыс зловонный пил, кониной заедал,
Он первым в бой пошёл, с друзьями распростившись,
Когда командный флаг послал ему сигнал.

Навстречу Пересвет в монашеской одежде,
Но в шлеме, что поверх напялен клобука,
Во многих битвах был, но не видал он прежде
Размерами себе подобного врага.

На поле тишина, лицом к лицу два войска,
Передний ряд врага почти достал рукой,
И два богатыря, исполненных покойства,
Под мерный бег коней идут в смертельный бой.

Копьё ударом в грудь разрéзало аорту,
Пробив монгольский щит, из войлока доспех,
И умер Челубей из старой ханской роты.
Упал с коня. Дуэль не принесла успех.

А рослый Пересвет в седле сидеть остался,
Перекрестился раз и сердце отошло.
Монгольское копьё, отрезав ему пальцы,
На целых пять вершков в живот его вошло.

„В седле пересидел татарского вельможу

Наш Пересвет. И тем победу предсказал,"-
Прошёл шум по рядам, от князя до обоза,
Вселяя веру в то, что враг давно забрал.

Монгольский клич „Уракх" и страх течёт по венам,
И на холме, в шатре приказ отда́л Мамай:
„Туме́нам всем вперёд, не брать сегодня пленных,
От крови пусть река прольётся через край."

Князь Дмитрий по́днял меч, с трудом в победу ве́ря,
И ратные полки, сомкнув свои ряды,
С рогатиной, копьём, как на лесного зверя,
Пошли вперёд, под визг и барабан орды.

Копытами в щиты, зубами впившись в шею,
Копьё переломив ведь чем-то надо бить,
И распознав на вкус кровь вражеских артерий,
Неважно, что вчера успели ощутить.

От стрел в глазах темно, они влетают метко,
И забирают жизнь с собой на передел,
Но в каждой битве есть хорошая отметка,
Когда вдруг у врага не станет больше стрел.

Забыто всё. Инстинкт свободы или смерти
Здесь правит, и его пока нельзя забыть.
И ненависть струёй течёт из тех отверстий,
Которые мечом не удалось пробить.

Где полк Сторожевой? Никто в нём не остался.
От князя до шута, кто в голову, кто в пах,
Здесь позвоночный столб с кишечником смешался,
И вовсе не поймёшь,-где свой, где павший враг.

А полк Большой стоял, хотя ополовинил,
Земля под ним в крови, но не сдаётся он.
Гора избитых тел. И враг давно покинул
Надежду,-слёг туме́н и с ним его нойон.

Вот третий час пошёл, конца не видно битвы,
Хоть создан для неё давно готовый срок,
Из леса на рысях вдруг эскадроны вышли,
И что-то хрипло выл ведущий их Боброк.

Двадцатую версту в погоне мчится войско,
Шатёр Мамая пуст, спокойно над рекой,

Автор: Оргкомитет
23.10.2015 11:00

Монгольский враг разбит, кулик ещё вернётся,
На княжество в Москву поедет князь Донской.

Страница автора в Сети